

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

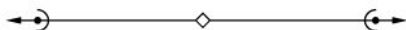
С Т И В Е Н

Э Р И К С О Н

СЛЕД КРОВИ

ШЕСТЬ ИСТОРИЙ О БОШЕЛЕНЕ
И КОРБАЛЕ БРОШЕ

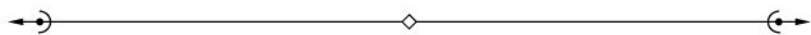

ПЯЛАЗЯНСКАЯ КНИГА ПЯВШИХ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

СЛЕД КРОВИ

Город Скорбный Минор наполнял колокольный звон: он слетал в кривые узкие переулки и обрушивался на вставших с зарей торговцев, что поспешно раскладывали свои товары на рыночных площадях. Звук колоколов катился по грязным булыжникам в сторону пристани и летел дальше над серыми волнами беспокойного залива. В пронзительном, отдающем железом перезвоне слышались истерические нотки.

Нескончаемый жуткий голос колоколов отражался эхом внутри крытых сланцем могильных курганов, которым город был обязан своими вздыбленными улицами, покосившимися домами и тесными переулками. Курганы эти, возрастом старше самого Скорбного города, давно перекопанные в бесплодных поисках добычи, напоминали оспины, оставшиеся после какой-то древней заразы. Звон колоколов достигал рассыпанных, изломанных костей, что с незапамятных времен покоились в выдолбленных колодах среди сгнивших шкур и каменных орудий, среди костяных бусин и украшений из ракушек, меж скорчившихся собачьих скелетов, а порою и лошадей, чьи головы с пробитыми между левым глазом и ухом дырами в черепе были отрезаны от туловища и уложены в ногах у хозяина. Эхо колокольного звона пробуждало погруженные в многовековой сон тени.

Некоторые из этих кошмарных теней восстали в ответ на зов. Сбрасывая с себя в предрассветной тьме черепки и землю, они почуяли присутствие... кого-то или чего-то. А затем вновь вернулись в свои мрачные обитатели — и для тех, кто видел этих призраков и хоть что-то о них знал, их уход походил скорее на бегство.

На Храмовой площади, по мере того как солнце поднималось над холмами все выше и выше, колодцы, фонтаны и каменные

← → ————— ◊ ————— ← →

чаши до краев заполнялись монетами; среди груд меди поблескивало золото и серебро. Возле окруженных высокими стенами храмов Огни уже собирались толпы горожан, радуясь в лучах утреннего солнца, что внезапная смерть прошла мимо, и благодаря Спящую Богиню, которая по-прежнему продолжала спать. Толпы слуг видели в то утро выходящими из боковых дверей святилища Худа, ибо богатые имели обыкновение откупаться от Повелителя Смерти, рассчитывая в очередной раз проснуться со спокойной душой в своих мягких постелях.

Для монахов же Королевы Грез прошедшая ночь стала поводом для траура, ибо цивилизация вновь показала свое покрытое шрамами полуночное лицо, и имя этому лицу было Убийство. Потому-то и не смолкали колокола, и на порт Минора, подобно савану, опускался их жуткий звон, холодный и жестокий, — звон, от которого никто не мог убежать...

А тем временем в переулке за небольшим домом на Нижней Торговой улице прорицатель Колоды Драконов, окруженный кольцом терпеливо ждущих своей очереди собак, шумно извещался от завтрака, который состоял из гранатов, хлеба, чернослива и разбавленного вина.

За спиной Эмансипора Риза с грохотом захлопнулась дверь, задребезжав непрочным засовом, прежде чем вновь осесть на изношенных кожаных петлях. Эмансипор устался в узкий, пахнущий плесенью коридор. В расположенной справа, на высоте пояса нише одинокая сальная свеча освещала пятна от сырости, потрескавшуюся штукатурку и крошечный каменный алтарь сестры Солиэль, усыпанный увядшими цветами. На дальней стене, в нескольких шагах от того места, где стоял сейчас Риз, висел тяжелый палаш из черного железа с крестовидной рукояткой и бронзовым шаром на эфесе; скорее всего, палаш давно уже проржавел в покрывшихся патиной ножнах. Эмансипор взглянул на оружие своей юности, ясно ощутив груз пяти... да что там пяти — почти уже шести прожитых десятилетий, и на его морщинистом, опаленном солнцем лице отразилась печаль.

Жена Риза молча трудилась в кухне, занятая тем, что прогрела сырой песок. Котелок из-под утренней каши и тарелки на деревянном столе рядом с ней все еще ожидали чистки. Прислушиваясь к отрывистому и все более сбивчивому дыханию супру-

ги, Эмансипор мысленно представил себе ее неповоротливую массивную фигуру.

— Это ты, Манси?

Эмансипор заколебался. Он мог прямо сейчас развернуться и уйти — Риз умел измерять глубину и знал, как вязать любые узлы. Его не пугала раскачивающаяся под ногами палуба. Он мог покинуть этот вшивый проклятый город, бросить жену и визгливых, вечно хнычущих отпрысков, которых они произвели на свет. Он мог... просто сбежать.

Однако Эмансипор вздохнул и ответил:

— Да, дорогая.

Жена повысила голос:

— А почему ты не на работе?

Риз набрал в грудь побольше воздуха:

— Видишь ли, я... — Он помедлил и громко, решительно завершил: — Я теперь безработный.

— Что ты сказал?

— Без работы, говорю, я остался.

— Неужто тебя уволили? Выгнали? Ах ты глупый, негодный...

— Колокола! — заорал он. — Колокола! Ты разве не слышишь?

В кухне на мгновение настала тишина.

— Смилуйтесь, Сестры! Идиот! Почему ты не ищешь работу? Немедленно найди новое место. Если ты думаешь, что будешь тут болтаться без дела, глядя, как наших детей вышвыривают из школы...

Эмансипор снова вздохнул.

«Ты всегда была на редкость практичной особой, дорогая Субли...»

— Уже иду, милая.

— И не возвращайся, пока не найдешь работу. И не абы какую, а хорошую. Будущее наших детей...

Он захлопнул за собой дверь и встал, уставясь на улицу. Колокола продолжали звонить. Становилось все жарче, в воздухе пахло нечистотами, гниющими ракушками, человеческим и звериным потом. Субли готова была душу продать за старый, ветшающий дом у него за спиной — а уж до чего ей нравился сам район. Что до Эмансипора, то здесь воняло в точности так же, как и в других местах, где им доводилось жить. Разве что гниющие в сточных канавах овощи были разнообразнее.

«Место, Манси, очень важно. Все зависит от места».

Через дорогу ходил вразвалочку перед своей лавкой Старж Плетельщик, раздвигая ставни на окнах и бросая многозначительные любопытные взгляды на верхушку кургана, горбившегося посреди улицы между их домами. Этот старый пердун все слышал. Не важно. Теперь Субли в рекордные сроки закончит возиться с котелком и тарелками, а потом выползет на улицу и начнет трепать языком, тараща глаза в поисках сочувствия, это уж как пить дать.

Ему и в самом деле до конца дня позарез нужна новая работа. Иначе все уважение, которого Риз сумел добиться за последние полгода, исчезнет быстрее, чем огонек свечи под порывом урагана, и к нему вернется мрачное прозвище Манси Неудачник, призрак прошлого, тенью следующий за ним, а суеверные соседи вроде Старжа Плетельщика будут совершать охранительные жесты каждый раз, когда их пути пересекутся.

Любой ценой найти новую работу. Теперь имело значение только это. И не важно, что в последнее время какой-то сумасшедший бродит ночами по городу; не важно, что каждое утро тут и там обнаруживаются страшно изуродованные тела жителей Скорбного Минора: с пустым, невидящим взглядом (если у них вообще оставались глаза) и искаженными в смертельном ужасе лицами. И эти трупы с отсутствующими частями тела... Эмансипор содрогнулся. Не в том причина, что мастеру Балтро никогда больше не понадобится кучер, разве только для команды сторбленных белолицых могильщиков, которые отвезут усопшего в последний путь, к месту упокоения его предков, после чего род Балтро прервется навсегда.

Эмансипор снова вздрогнул. Кабы не тот кошмар, что случился с несчастным торговцем, ему можно было бы почти позавидовать. По крайней мере, смерть означала бы, что наконец-то наступит тишина. Нет, не в Субли дело, всё эти колокола. Проклятый звон: нескончаемый, пронзительный, надоедливый...

— Иди найди монаха на конце той веревки и сверни ему шею.

Капрал, моргнув, посмотрел на сержанта и неуверенно покачнулся под тяжестью покрытой голубой патиной кольчуги из бронзы, шлема с шишаком и массивных, подбитых кожей наплечников.

«Черт возьми, парень, должно быть, очень хорошо плавает в этих доспехах, — подумал сержант Гульд. — Да, вид у малого не особо впечатляющий! Во имя Худа, короткий меч в его ножнах наверняка до сих пор запечатан воском».

— Давай, сынок. — Сержант отвернулся.

Слыша, как шаги парня стихают у него за спиной, Гульд мрачно посмотрел на отряд, который выстроился кордоном вокруг лежащего в яме трупа. Стражники отгоняли зевак, бродячих собак, пинали чаек и голубей, чтобы дать тому, что осталось от мертвеца, обрести покой под копной соломы, которую бросил поверх мертвого тела какой-то сострадательный прохожий.

Сержант увидел прорицателя, который с посеревшим лицом вышел, пошатываясь, из соседнего переулка. Придворного королевского мага нельзя было причислить к бродягам, но ткань на коленях его белых панталон явно свидетельствовала о близком знакомстве с грязными, засаленными булыжниками мостовой.

Гульд без всякого уважения относился к изнеженным чародеям: слишком уж далеки они были от обычных людских забот, слишком погружены в свои книги, наивны, да и выглядели как дети. Вот и Офану было уже почти шестьдесят, а лицом он походил на ребенка.

«Без алхимии здесь точно не обошлось, — подумал сержант. — И все ради тщеславия».

— Эй, Стуль Офан! — позвал Гульд, поймав взгляд слезящихся глаз мага. — Ты уже закончил?

В словах сержанта звучало полное безразличие, но это была его излюбленная манера задавать вопросы.

Толстый маг подошел ближе.

— Да, — хрипло ответил он, облизывая посиневшие губы.

«Непростое это искусство — толковать Колоду Драконов по следам убийства».

— И?..

— Это не демон, не секуль, не жорлиг. Это человек.

Сержант Гульд нахмурился, поправляя шлем в том месте, где шерстяная подкладка натерла ему лоб.

— Это мы и без тебя знаем. То же самое сообщил уличный прорицатель. За что, собственно, король жалует тебе башню в своем замке?

Лицо Стуля Офана помрачнело.

— Я пришел сюда по приказу короля, — бросил он. — Я придворный маг. Мои прорицания имеют скорее... — он на мгновение запнулся, — более бюрократическую природу. Кровавые убийства не моя специальность.

Гульд нахмурился еще сильнее:

— Ты прорицаешь по Колоде, чтобы вести бухгалтерию? Это нечто новое для меня, маг.

— Не болтайте глупостей, сержант. Я имел в виду, что моя магия касается... э-э-э... скорее, административных вопросов. Государственные дела и все такое. — Стуль Офан огляделся вокруг, сторбив пухлые плечи, и содрогнулся, когда его взгляд упал на тело, накрытое соломой. — Это... это самое грязное чародейство, совершенное безумцем...

— Погоди-ка, — прервал его Гульд. — Стало быть, убийца — чародей?

Стуль кивнул, его губы дрогнули.

— Он весьма могущественный некромант, умеющий виртуозно замечать следы. Даже крысы ничего не видели — во всяком случае, ничего такого, что осталось бы в их мозгах...

Крысы. Чтение крысиных мыслей стало в Миноре своего рода искусством. Жадные до добычи маги дрессировали проклятых тварей и посылали их в старые курганы, где покоились кости тех, кто умер настолько давно, что их имена исчезли из памяти горожан. Это слегка утешило сержанта. Все-таки есть истина на свете, если маги и крысы видят одно и то же. И слава Худу, что существуют крысоловы, — эти бесстрашные мерзавцы плюнули бы чародею под ноги, даже если бы их слюна была последней каплей влаги на земле.

— А как насчет голубей? — спросил он с деланным безразличием.

— Они по ночам спят. — Стуль недовольно взглянул на Гульда. — У меня тоже есть свои пределы. Крысы — еще ладно. Но голуби... — Он тряхнул головой, откашлялся и глазами поискал урну. Таковой, естественно, поблизости не нашлось, и чародей, отвернувшись, сплюнул на булыжники. — Так или иначе, убийце пришлось по вкусу знатные особы...

— Не делай поспешных выводов, маг, — фыркнул Гульд. — Дальний родственник дальнего родственника. Средней руки торговец тканями, без наследников...

— Этого вполне достаточно. Королю нужны результаты. — Стуль Офан посмотрел на сержанта с намеком на презрение. — На кону ваша репутация, Гульд.

— Репутация? — горько рассмеялся сержант и отвернулся, на миг позабыв о маге.

«Репутация? Да моя голова уже на плахе, а человек в сером складывает в кучу камни. Знатные семейства пребывают в страхе. Они грызут хилые ноги короля в промежутках между льстивыми поцелуями. За одиннадцать ночей одиннадцать жертв. Никаких свидетелей. Весь город охвачен ужасом, и ситуация может в любой момент выйти из-под контроля. Я обязан найти эту мразь, он должен корчиться у Дворцовых ворот, насаженный на пики... Чародей — это что-то новенькое. Наконец-то появилась хоть какая-то зацепка. — Гульд посмотрел на прикрытое соломой тело торговца. — Мертвецы ничего не могут рассказать. А уличные прорицатели странно немногословны и заметно нервничают. Уже одно это должно было дать мне повод призадуматься. Явно некий маг, достаточно могущественный, чтобы запугать мелких сошек. И что еще хуже, некромант — некто, умеющий заставить души молчать или отправить их к Худу до того, как остынет кровь».

Стуль Офан снова откашлялся.

— Что ж, — сказал он, — в таком случае увидимся завтра утром.

Гульд поморщился:

— Рано или поздно убийца непременно ошибется... Ты уверен, что это человек?

Маг кивнул.

— Мужчина, я полагаю?

— Ну да. В определенных пределах.

Гульд изумленно уставился на мага, вынудив того отступить на шаг:

— Что это значит? В каких еще определенных пределах?

— Ну... гм... по моим ощущениям, это человек, мужчина, хотя в нем явно есть нечто странное. Я просто предположил, что он постарался напустить туману, скрыть свою личность — с помощью каких-нибудь простых заклинаний или вроде того...

— Думаешь, могущественный чародей, который способен заставить молчать души и стирать память крысам, станет трусливо прятаться за какими-то защитными заклинаниями?

— Н-да... — нахмурился Стуль Офан. — Пожалуй, тут и впрямь что-то не так...

— Обдумай это хорошенько на досуге, маг, — посоветовал Гульд, и хотя он был всего лишь сержантом городской стражи, собеседник поспешно кивнул в ответ. А затем спросил:

— Что передать королю?

Гульд засунул большие пальцы за пояс с мечом. Прошли годы с тех пор, как он в последний раз доставал оружие, но он с радостью воспользовался бы возможностью сделать это сейчас. Сержант окинул взглядом толпу вокруг, море лиц, все плотнее сжимавшееся вокруг кольца стражников.

«А ведь это может быть любой из них, — подумал Гульд. — Тот хрипящий нищий с отвисшей челюстью. Те два крысолова. Или даже вон та старуха с увешанным куклами поясом — какая-то ведьма, я уже видел ее раньше. Всякий раз она является на место убийства и теперь готова взяться за очередную куклу, одиннадцатую, — помнится, я допрашивал ее шесть дней назад. Да и волос на подбородке у этой карги достаточно, чтобы принять ее за мужчину. Или вон тот темнолицый незнакомец, в доспехах под роскошным плащом, с великолепным оружием на поясе; не исключено, что убийца — он. Наверняка какой-нибудь чужеземец, у нас никто не пользуется ятаганами с одним лезвием. Так что преступником запросто может быть каждый: небось убийца явился взглянуть на дело своих рук при дневном свете, позлорадствовать над самым опытным в городе стражником, знающим толк в подобного рода делах».

— Скажи его величеству, что у меня есть список подозреваемых.

Стуль Офан издал кашляющий звук, который вполне мог выражать недоверие.

— И еще передай королю Сельджуру, — сухо продолжал Гульд, — что я счел его придворного мага довольно полезным, хотя у меня есть к нему еще много вопросов, и я ожидаю, что означенный чародей приложит все усилия, чтобы дать на них ответ.

— Да, конечно, — хрипло проговорил Стуль Офан. — Я к вашим услугам, сержант, если король прикажет.

Он повернулся и направился к ожидавшему его экипажу.

Гульд вздохнул. Список подозреваемых — легко сказать.

«Сколько магов в Скорбном Миноре? Сотня? Две сотни? Сколько среди них действительно одаренных и могущественных? А ведь нельзя сбрасывать со счетов еще и тех чародеев, что постоянно прибывают сюда на торговых кораблях и возвращаются затем восвояси. Кто же убийца: чужеземец или кто-то из местных, ступивших на путь зла? Высшее колдовство способно обратить даже самый мирный разум. Или это некая несчастная тень вырвалась на свободу из какого-нибудь полуразвалившегося кургана? Нигде вроде бы в последнее время не копали строительных котлованов... Хотя кто его знает. Надо бы уточнить у ровняльщиков. Вообще-то, вряд ли здесь замешаны тени: это, так сказать, не в их стиле».

Колокола яростно зазвонили и смолкли. Нахмурившись, Гульд вспомнил приказ, который он отдал молодому капралу.

«Проклятье, неужели парень понял меня буквально?»

Эмансипор Риз сидел в тесном, полупустом в это время зале таверны «Пряность». От дымного очага, на котором готовили завтрак, воняло рыбой. Он пристроился за стоявшим отдельно круглым столом у задней стены и коротал время в обществе Зануды и Крыги, которые продолжали заказывать все новые и новые порции эля по мере того, как время приближалось к полудню. Отверщение, которое Эмансипор обычно испытывал к этим портовым крысам, таяло с каждой кружкой, полной пенящегося напитка. Он даже начал прислушиваться к разговору собутыльников.

— Трон под Сельджуром всегда шатался, — говорил Зануда, почесывая бочкообразную грудь под покрытым пятнами соли камзолом, — еще с тех пор, как жекки захватили Стигг, а он не решился на вторжение. Теперь у нас по другую сторону пролива орда дикарей, а Сельджур не способен ни на что, кроме пустых угроз. — Он отыскал вошь и, внимательно рассмотрев ее, бросил в рот.

— Не такие уж они и дикари, — медленно цедя слова, возразил Крыга и потер щетину на массивном подбородке, щуря маленькие темные глазки. — Они не просто какая-то там орда, эти жекки. У них имеется целый пантеон, набитый духами, демонами и прочим, а их военный вождь во всем, кроме планов сражений, отвечает перед старейшинами. Так что, возможно, он не столь уж

и прост, учитывая его успехи, — в конце концов, Стигг пал всего за сутки, и одному Худу ведомо, какой магией вождь владеет. А уж если еще и старейшины...

— Мне все это неинтересно, — прервал его Зануда и махнул измазанной в жире рукой, словно бы отгоняя портовых мух. — Радуйся, что жеккам не догresti прямым курсом до Мутноводья. Я слышал, они сожгли стиггские галеры прямо в портах: если подобная тупость не стоила их военному вождю головного убора из перьев, то у этих самых старейшин мозгов не больше, чем у морского ежа. Больше мне сказать нечего. А коли трон под Сельджуром шатается, то Скорбный Минор вполне может стать легкой добычей.

— Во всем виновата знать, которая заковала город в кандалы, — не унимался Крыга, — и Сельджур вместе с ней. И никому не легче от того, что единственная его наследница — распутная девка, готовая переспать с каждым чистокровным аристократом в Миноре. Я уж молчу про жрецов, которые только и умеют, что предрекать конец света и молоть прочую чушь. Так что дело плохо, но не в одном лишь Скорбном Миноре. Во всех городах мира творится то же самое: выродившиеся правящие семейства и безмозглые завывающие жрецы — классический случай дележки власти и богатств за счет простого народа, который бредет, спотыкаясь, будто мул под ярмом.

— Нам нужен король, у которого хребет покрепче, — буркнул Зануда. — Только и всего.

— Точно так же поначалу говорили люди в Кореле, когда тот напыщенный капитан, Безумный Эфес, узурпировал трон. Однако скоро уже никто ничего не говорил: все были мертвы или даже хуже того.

— Исключение лишь подтверждает правило...

— Только не в политике.

Двое спорщиков хмуро уставились друг на друга. Затем Зануда толкнул Крыгу в бок и обратился к Эмансипору:

— Что, Манси, снова работу ищешь? — (Оба портовых завсегдатая ухмыльнулись.) — Не везет, похоже, с тобой хозяевам. Да хранит Госпожа Удача того несчастного, кому хватит глупости тебя нанять, — нет, я вовсе не имею в виду, будто на тебя нельзя положиться.

Крыга улыбнулся шире, показав неровные гнилые зубы.

— Может, Худ сделал тебя своим вестником? — предположил он. — Тебе никогда такое в голову не приходило? А то чего только на свете не бывает. Нынче мало кто из прорицателей умеет читать Колоду Драконов, поэтому наверняка не определить. Повелитель Смерти выбирает себе кого хочет, и тут уж ничего не поделаешь.

— Крыга верно говорит, — заметил Зануда. — Ну-ка, вспомни: что стало с твоим первым работодателем? Я слышал, утонул в собственной постели. Полные легкие воды и отпечаток ладони поверх рта. Худов дух, ну, однако, и смерть...

— Сержант Гульд докопался до истины, Крыга, — буркнул Эмансипор, уставившись в кружку. — Люксор ввязался в рискованную игру с неподходящими людьми. Гульд достаточно быстро нашел убийцу, и этот урод несколько дней болтался на крюке, прежде чем выложить, кто дал ему такое поручение.

Он сделал большой глоток, воздавая почести окаянной памяти Люксора. Зануда наклонился вперед, и его налитые кровью глаза блеснули.

— Ладно. А что со следующим, Манси? Коновал сказал, что у него лопнуло сердце. Представляешь? А ведь совсем молодой парень, он тебе в сыновья годился.

— Ага, а еще он был настолько толст, что мог опрокинуть экипаж, если не сидел посередине, — проворчал Эмансипор. — Уж я-то знаю — сам не раз затаскивал его туда и обратно. Так что удивляться не приходится. Я всегда говорил, что твоя жизнь такова, какой ты делаешь ее сам. — Он допил остатки эля в память о несчастном толстяке Септриле.

— А теперь вот еще и торговец Балтро, — сказал Крыга. — Я слышал, убийца забрал его потроха и язык, чтобы никто не смог заставить его душу говорить. Ходят слухи, будто на место происшествия прибыл придворный маг короля, вертелся у Гульда под ногами, мешал ему работать.

Чувствуя, как у него кружится голова, Эмансипор поднял взгляд и, моргнув, посмотрел на Крыгу:

— Придворный маг короля? В самом деле?

— А чего ты вдруг так переполошился? — спросил Зануда, удивленно подняв брови. — Тебе-то из-за чего волноваться?

— Балтро был благородных кровей, — вздрогнув, вставил Крыга. — То, что сотворили у него между ног...

— Заткнись! — бросил Эмансипор. — Он был по-своему хорошим человеком. И не забывай: ветер в море плевком не успокоишь.

— Еще по одной? — умиротворяющим тоном поинтересовался Зануда.

— Откуда у вас столько денег? — нахмурился Эмансипор. Зануда улыбнулся, ковыряясь в зубах.

— Мы избавляемся от трупов, — рыгнув, объяснил он. — Никаких душ ведь нет, верно? Во всяком случае, следов от них не остается. Будто их и не было. Так что, как говорят жрецы, это просто мясо. Никаких обрядов, никаких почестей, и не важно, сколько заплатили вперед родственники. Жрецы просто не желают прикасаться к покойникам, и дело с концом.

— Так что наша задача, — пояснил Крыга, — оттаскивать их на берег. — Он щелкнул зубами. — Чтобы крабы жирели и становились вкуснее.

Эмансипор уставился на них:

— Вы же сами ловите крабов! И продаете их!

— Почему бы и нет? Разве вкус чем-нибудь отличается? Три эмоля за фунт — неплохой заработок.

— Это... ужасно.

— Работа как работа, — пожал плечами Зануда. — И между прочим, Манси, ты сейчас пьешь на эти деньги.

— Что верно, то верно, — кивнул Крыга.

Эмансипор потер лицо, которое начинало неметь.

— Угу... пью. С горя.

— Да, кстати! — вдруг, выпрямившись, сказал Зануда. — Я тут видел на площади объявление. Вроде бы кто-то ищет слугу. Если ноги тебя еще держат — может, тебе прямо туда и отправиться?

— Погоди... — начал было Крыга, явно встревожившись, но товарищ толкнул его локтем в бок.

— Неплохая, кстати, мысль, — продолжал Зануда. — Твоей женушке ведь не нравится, что ты остался без работы? Нет, я, конечно, не настаиваю. Просто хочу помочь, только и всего.

— На центральном столбе?

— Угу.

«Худов дух, меня жалеют торговцы крабами...»